

Ирина ГОВОРУХА

РЫЖАЯ

Киев
«Саммит-Книга»

УДК 821.161.1(477)'06-311.4

Г57

*Иллюстрация на обложке:
“Redhead Girl’s Lips” автор Maja Topcagic /
Стандартная лицензия www.stocksy.com*

Говоруха Ирина.

Г57 Рыжая / Ирина Говоруха. — К. : Саммит-Книга, 2019. — 416 с.

ISBN 978-966-986-074-3

Есть мнение, что семью, как и время рождения, не выбирают. Я твердо убеждена в обратном. Душа будущего человека терпеливо ждет своего часа для появления на свет у избранных ею родителей. Выбор главной героини оказался достаточно непростым: трудное детство, обидные прозвища, презрение одноклассников и скитания по чужим углам.

Шло время. Весна подсигивала зиму. Отрочество – юность. Жизнь плела изящные сети, расставляла новые ловушки и передавала приветы из прошлого. А потом достала свой самый главный козырь, не то наградив, не то наказав Ирку спорной двойственной любовью.

УДК 821.161.1(477)'06-311.4

Все права защищены.

Полное или частичное воспроизведение материалов книги возможно только с письменного согласия правообладателя.

Профессиональная поддержка –

Адвокатское объединение «Менюк и партнеры».

ISBN 978-966-986-074-3

© Ирина Говоруха, 2019
© «Саммит-Книга», 2019

Содержание

Глава 1. Госпожа Метелица.....	7
Глава 2. Ильин день.....	47
Глава 3. Голуби летят над нашей зоной	88
Глава 4. Добрые родственники	131
Глава 5. А ты купи слона.....	174
Глава 6. Огни большого города.....	220
Глава 7. Ах эта свадьба.....	267
Глава 8. Между небом и землей.....	315
Глава 9. Ну здравствуй, Галя	361

*Моей мудрой, веселой, рыжей подруге.
Спасибо, что разрешила облачить
свою невероятную жизнь в слова.*

Глава 1. Госпожа Метелица

Декабрь 1987 года

Дарагой Дедушка Мароз!

Меня зовут Ирка и мне 7 лет. Я учусь хорошо. Уже умею лепить вареники и хажу в магазин за буханкой черного. Прочитала всехо Робинзона Карузо и Снежную королеву. Мне ничего не нужно из теплой одежды, и кукла-невеста тоже ненужна. Сделай пожалуйста так, чтобы мама больше не пла.

Затем Ирка почесала ручкой за ухом, нарисовав замысловатую петлю, и добавила:

Ул. Шапена, 9, кв. 32 (Дверь без номера, красная).

Ирина Говоруха

Девочка шмыгнула носом, затолкала письмо в конверт и старательно прошлась по уголку языком, морщась от привкуса клея. Обреченно сглотнула горькую слюну, вязнущую во рту сосновой жвачкой. Конечно, можно было бы попросить еще юбку-клеш и белые гофрированные банты, а то она все в черных да коричневых. Только ребята говорили, что Дед Мороз исполняет всего одно желание. Пускай будет это. Самое главное.

Ирка икнула и потянулась за чашкой с «ополосками». В ней с завтрака болтался недопитый дефицитный индийский чай, именуемый домочадцами «пылью индийских дорог». Затем старательно нацарапала: *«Деду Марозу на Северной полюс»*, скрестила на удачу два пальца и не удержавшись поцеловала конверт прямо в крестовину. Зажмурилась и произнесла магическое «Крибле-крабле-бумс». Слезла с табурета, случайно зацепившись коленкой за гвоздь, и мгновенно расползлась круглая дырка. Обреченно вздохнула – мама опять заругает, что на нее колгот не напасешься. Может, даже отвесит подзатыльник. Ну да ладно. Девочка привычно оккупировала подоконник, достала двух пупсов, расставила крохотные деревянные стулья с буфетами и запела любимую бабушкину «Расцветали яблони и груши».

– Доченька, а ты знаешь, что такое «игруши»? Нет? Это такие фрукты заморские. Как апельсины.

Играла она всегда в одно и то же – в большую счастливую семью.

Ирка родилась в самом красивом городе мира, с широкими парадными проспектами и узкими улочками, напоминающими коридоры поликлиники, куда они с

мамой носили анализы в спичечных коробках. На площадях пламенели тюльпанные клумбы. Торжественно открывались новые гастрономы и пестрели разноцветными корешками окна детских библиотек. Обувная фабрика шила бурки, детские тупоносые сандалики и женские ботинки, утепленные цигейкой. Дом культуры в форме огромного краба предлагал десятки кружков, а уютные кафешки – песочные корзинки с кремowymi опятами, пирожные «Лето» и шарики сливочного с дробями орехов или шоколадных опилок. Украшением города считался двухэтажный универмаг, в витринах которого в неестественных позах простаивали тетеньки-манекены, облаченные в ночные рубашки и почему-то на каблуках. Рядом – небрежно брошенное постельное белье в мелкий морозящий цветочек, хотя дома у них стелили только со штампом «Минздрав СССР». Чуть дальше – лупатые телевизоры, гигантские кастрюли для варки компотов и холодцов, железные миски и бидончики с нарисованными шишками да сыроежками. Фарфоровые сервизы. Красные Шапочки, куклы-грузинки и куклы-цыганки. Пластмассовые звери и пупсы. Долгое время Ирка считала, что эти пупсики – и не мальчики и не девочки. Ведь дети рождаются бесполоыми и только к детскому саду определяются, что им делать дальше – носить сарафаны или размахивать пистолетами. Искренне верила, что воробьи бывают только мужчинами, синички – женщинами, а в фильмах убийства происходят по настоящему. Просто на эти роли выбирают больных или слабых актеров, которых не жалко и пристрелить. Размышляла, что ноги крепятся к телу с помощью пуговиц и отстегиваются при случае. Честно делилась своими

Ирина Говоруха

наблюдениями с домашними и не понимала, почему те так дружно хохочут, а потом пересказывают ее перлы во время каждого застолья.

Дороги в городе скрещивались шпагами, замыкались в эллипсы, квадраты и многоугольники. Одни напоминали сетки для игр в крестики-нолики. Иные упирались в глухие двory, образуя тупики. Самые старые могли еще похвастаться булыжной брусчаткой, сохранившейся с довоенных времен. После каждого маломальского дождя камни становились скользкими, будто смазанными постным маслом.

Главная улица служила для прославления страны мира, мая и труда. По ней шли колонны людей, размахивая флажками из красного полиэстера. Иногда, празднуя Великий Октябрь, народ шагал по первому снегу, но продолжал смеяться и восхвалять никому не понятный марксизм-ленинизм. Ирка, как правило, сидела у деда на плечах и громче всех кричала «ура!». Держалась за его шапку-ушанку с пятиконечной звездой и во все глаза рассматривала юное весеннее небо, распоясанные каштаны и портреты первых лиц.

По проспекту шмыгали автобусы с прожорливыми компостерами и заглавной буквой «Л» на капотах, и девочка считала, что те направляются не иначе как в Ленинград. Лоснящиеся «Волги» отражали холеными боками солнце. Шустрые жигулята клаксонили что-то футбольное, типа «Так, так, только так, атакует наш «Спартак»». Ушастые запорожцы скромно жались к тротуарам. Торопящийся народ выстраивался в очередь к желтым табличкам «Стоянка такси». Ирка, наблюдая за проезжающим транспортом, старалась экономить

воздух, подолгу задерживая его в себе и надувая побурндучьи щеки. Переживала, что близлежащий парк не справится с подобной нагрузкой, и требовала от деда новых березовых саженцев, чтобы пополнить городской зеленый фонд.

В парк семья выбиралась по выходным. Там посапывало искусственное озеро, и плавали, переплетаясь шеями, лебеди. Рядом прохлаждались связанные ржавыми цепями катамараны, лодки, плоты. Дети кормили хлебным мякишем рыб, а родители устраивали вдоль берега пикники. Раскладывали на покрывалах пупырчатые огурцы, «Докторскую», желтоглазые яйца. Боязливо разливали из термосов портвейн под скрип, визг, лязг и тархтение паровозов. На колесе обозрения из года в год на пике высоты смельчаки раскручивали кабинки. Популярная «Ромашка» то приседала, то подпрыгивала выше канадских кленов. «Орбита», а по-народному «блевалка», порционно выпускала из себя вконец расшатанных людей. Вагончики со сладкой ватой привычно собирали пчел.

Семья проживала в доме, построенном пленными немцами, в котором за много лет ни разу не протекла крыша и не пошли трещины-молнии. Высокие потолки, просторные балконы, белесые колонны, напоминающие толстые слоновьи ноги, – все было крепким, добротным, сделанным на века. Песочно-персиковая пятиэтажка с широкими лилейными вставками выглядела, словно праздничный торт, щедро украшенный фруктовым кремом. Сверху – крыша в два яруса. Под балконами – дикие груши и боярышник. Чуть дальше –

Ирина Говоруха

тополиный сквер. Широченный двор, где происходило большинство домашних событий. Зимой заливали хоккейную площадку. Летом играли в футбол и бадминтон. Праздновали свадьбы и именины, заставляя импровизированные столы тарелками заливного, вареников со шкварками и пирогами. Каждый раз откуда ни возьмись появлялась гармонь или проигрыватель с обязательными «Лавандой» и «Малиновки слышав голосок». Кричали «Горько!», «Лена, домой!» и «Тише едешь – дальше будешь». Иногда «Помогите, убивают!» или «Что орете, как оглашенные?».

Семья была большой: прабабушка Фима, дед Ефим, баба Шура и трое их детей: старшая Галя – мама Ирки, средний брат Петька и младшая Леночка – инвалид детства. В четырехкомнатной квартире места хватало всем. Каждая комната – не меньше двадцати квадратов, поэтому Ирка регулярно ездила ко всем в гости на трехколесном велосипеде. Бибикала, развозила почту и приглашения на кукольную свадьбу, звала обедать или просто наносила дружеские визиты. Наблюдала, как дед чинит радио, и все ждала, когда оттуда появятся дикторы, певцы, пианисты. Слушала вместе со всеми воскресный выпуск передачи «Встреча с песней», бросая все дела при первых звуках «Тихо замерло все до рассвета».

В прабабушкиной комнате околачивался полумрак, так как та не переносила яркий свет и круглогодично закрывала окна цветочными шторами, из которых Ирка мечтала сшить себе платье и фартук с прихватками. Фима бережно относилась к электроэнергии и, завидя руку, тянущуюся к выключателю среди белого дня, прикрикивала: «Вам что, темно дышать? Время еще

ранешно». Не терпела лжи и повторяла, что врать нужно так, чтобы потом сбывалось. Жила будто со всеми, но месте с тем обособленно. Обожала кепчук и поливала им даже сладкое. А еще семачки и манез. Ловко вела хозяйство, но старалась выходить на куфню, когда невестки не было дома. Ставила на газ чайник, выпивала чашку-другую горячинькава, а потом быстро семенила по коридору, возвращаясь в свою келью.

В ее комнате все выглядело по старинке. У стены – шифоньер, на котором хранился фибровый чемодан и вышедшая из строя керосиновая лампа. Сетчатая кровать с двумя этажами подушек и кружевом, пробивающимся из-под покрывала. Над кроватью – портреты неизвестных хмурых женщин, зачесанных на пробор. Прабабка рассказывала, что волосы в ее времена смазывали подсолнечным маслом или салом, чтобы те блестели и не выбивались из общей канвы. Много икон, источающих запах ладана. Высокий столик, чисто табурет, с фото какой-то канпании на природе. Люди на снимке почему-то лежали друг на дружке и чокались железными кружками. На домотканой дорожке – нехитрая обувка: войлочные тапки, бурки и туфли чехословацкой фирмы «Цебо», которым не было сносу. Круглый обеденный стол, прикрытый велюровой скатертью. Посредине – фарфоровая мордатая собака. Репродукция картины Перова с изможденными детьми вместо лошадей и этажерка с церковными книгами и рецептами. Когда заканчивались молитвы, бабушка запоем читала советы, как сварить полезное варенье из сосновых шишек, приготовить тушенку из курицы с перловкой и размять яблочное пюре со сгущенкой. Единственная в семье

Ирина Говоруха

умела перетирать грибы в порошок и варить варенье из картофеля, приговаривая: «Было б масло и курочка – сготовит и дурочка».

Прабабушка всегда отдыхала с часу до трех, со всеми здоровалась за руку и большинство фраз начинала с «ишь ты». Принесенную живую рыбу неизменно глушила молотком. Верила в Бога и полтергейст. Мастерски готовила айнтопф¹, что означало «все в одном горшке», и изъяснялась странными словами. Начальника пожарной части называла брандмейстером, а важных чиновников – канцлерами. Варила Ирке клейстер, когда у девочки заканчивался канцелярский клей, и угощала ее подружек клецками. Круглый год, даже в тридцатиградусную жару, носила рейтузы. Никогда не выходила из себя. Не бранилась. Имела ясную голову и помнила все, даже то, что случилось полвека назад. Совсем не страшно молилась – будто пересказывала былины или сказания.

Ирка обожала прабабкин особый полумрак, тонкую, словно кровельный гвоздь, свечку, мерцающую волшебным огнивом, и шепот, располагающий к дреме. Девочка частенько заглядывала на вечернюю молитву, зная, что после обязательных правил и тропарей, обращения к святым Макарию Великому, Антиохе и Иоанну Дамаскину, они непременно поиграют в сказки. Первым делом – в «Госпожу Метелицу». Прабабка привычно изображала злую и ленивую дочку, чтобы Ирке досталась роль доброй и работающей падчерицы. Набрасывала

¹ Айнтопф – немецкий классический густой мясной суп. Заменяет полноценный обед.

на плечи большой парадный платок и делала вид, что с трудом несет коромысло. Читала правнучке «Гензель и Гретель» или «Безобразную Эльзу», каждый раз получая от сына нагоняй. Дед Ефим топтался на пороге, придерживая рукой дверь, и шипел:

– Ты опять за старое? Сколько лет прошло! Тебе мало русских народных сказок?

Та смотрела на него с жалостью и замечала:

– Ты хоть и вымахал эдаким медведем, а все одно – дурак дураком, – подмигивала правнучке, и они переходили к обязательному чаепитию с джемом и галетным печеньем «Мария».

У прабабушки Фимы существовала субботняя традиция купания. Она набирала полную ванну горячей воды и сидела в ней не шевелясь. Может, час или целых два. Стены покрывались добротным потом, зеркало теряло блеск и раскалялись краны. Это напоминало сцену купания из сказки «Конек-Горбунок», когда Иванушка-дурачок вынырнул из кипятка красным молодцем, а царь сварился. Ирка всякий раз переживала, что бабку постигнет участь царя, поэтому прыгала козликком за дверь и просила впустить. Та великодушно разрешала, и девочка принималась за старушечью спину, старательно елозя мочалкой по выступающим ребрам и считая рябины. Во все глаза рассматривала растянутые пустые груди, достающие до самого пупка, и острые до неприличия колени. После водных процедур старушка расчесывала редкие волосы и закалывала их гребешком. Гребней собралась целая коллекция. В коробке из-под печенья хранились и деревянные, и костяные, и пластмассовые. В виде веток

Ирина Говоруха

рябины и птицы, напоминающей дебелого коня. В некоторых не хватало зубьев, но это ее совсем не тревожило. Разобравшись с волосами, она подходила к своему шкапу, доставала бутылочку водочки, припрятанную якобы для компрессов, наливала в пузатую рюмку, принимала на грудь сто граммов и ложилась спать. Как правило, спала до самого утра и никогда ничем не болела. Весь дом мог объявить карантин, неделю шмыгать носами и ставить горчичники, а прабабка все готовила свой фирменный айнтопф, торжественно пела тропари и писала кому-то письма, прикрывая тетрадные клетки сучонькой, дрожащей рукой.

В комнате бабушки Шуры и дедушки Ефима все выглядело по-другому – более современно, что ли. Приятно пахло кожей, так как оба работали на обувной фабрике и исправно таскали домой разноцветные обрезки. Из обстановки – ножная швейная машинка, сервант «под орех», забитый под завязку книгами. Телевизор, прикрытый парчовой тканью, чтобы не пылился. Блестящий от лака журнальный столик и два кресла. Веточки ивы в вазе. Рожковая люстра. Тюль с огромными, тянущимися вверх ирисами. Трехстворчатое зеркало для удобства любования собой во всех ракурсах. Портрет не то женщины, не то мужчины, именованный Ирккой «Анакондой», и карта мира, по которой девочку учили запоминать столицы и континенты, потешаясь над ее «Северно-Ядовитым» океаном. На подоконниках – в два ряда горшки с цветами. Баба Шура на досуге занималась цветоводством и у нее принималось все, даже апельсиновая косточка.

С ними жила младшая дочь Лена, полукукла-получеловек. Ей уже исполнилось семнадцать, но она не умела ни сидеть, ни есть, ни разговаривать. Издавала разнокалиберное мычание и скрежетала выступающими вперед зубами, чисто трещотками. Девушка подолгу спала или дремала, не полностью прикрывая глаза. Ела с ложки. Облегчалась в подкладное судно.

Как-то раз Ирка подслушала, что бабушка промакнулась с беременностью. В квартире по соседству обитала гинеколог Тина Ивановна, старая дева с косою. Именно она диагностировала у бабушки редкую женскую болезнь и прописала тяжелые препараты. Шура их честно принимала, покуда не почувствовала шевеление ребенка. Исправлять ситуацию оказалось слишком поздно, и Лена родилась с неврологической патологией. Головку начала держать только в пять лет, но так и не села. Не взяла в руки погремушку, книжку, стакан воды. Не научилась говорить. Никто не представлял, что она понимает, о чем думает и чего хочет. Девушка с телом гусеницы, что не сразу разберешься, где спина, а где живот, полулежала в инвалидном кресле лицом к окну и рассматривала верхушки берез, загущенные облака или абсолютно пустое небо. У нее не двигались руки, и с каждым годом кисти становились тоньше, все больше напоминая куриные лапки. Они бесполезно лежали поверх одеяла и всегда были холодными. Ирка приносила варежки и подолгу пыхла, пытаясь их натянуть. Кроме того, Леночка слишком неряшливо ела, поэтому ее никогда не вывозили к общему столу. Рот практически не смыкался, и каждый имел возможность наблюдать, как зубы перемалывают хлеб, пшеничную кашу,

Ирина Говоруха

желток. Часть еды всегда вываливалась, приходилось подбирать болюс² и складывать в другую тарелку.

Комната, в которой жили Ирка и мама Галя, считалась самой веселой. Во-первых, солнечная сторона. Во-вторых, правильная энергетика. Карандашные рисунки на стенах, сказки Андерсена на полках, проигрыватель с пластинками, кукольный мебельный гарнитур, собранный Галей из подручных материалов и фанерных отходов. Она была мастером на все руки. Вязала куклам пальто и шила длинные сарафаны. Мастерила домики для жуков и скворечники. По вечерам мама с дочкой имели привычку шушукаться и распевать песни из «Кота Леопольда». Играли в кафе, парикмахерскую или больницу. Спали в одной постели, и девочка обожала греть свои заледенелые стопы, засунув их между маминных ляжек. Галя, как и прабабушка Фима, на дух не переносила ложь и утверждала, что если Ирка врет, у нее на лбу появляются красные пятна. Поэтому девочка всякий раз, когда хотела приукрасить рассказ, самозабвенно терла лоб и не понимала, почему все заразительно смеются и называют ее обманщицей.

До первого класса Ирка панически боялась ходить по магазинам. Однажды они с мамой долго стояли в очереди за бананами. Женщины в магазине тихонько переговаривались о том о сем. Обсуждали, почему лук лучше всего хранить в чулках, и куда положить бананы, чтобы скорее дозрели. Обменивались рецептами колбасного супа. Стращали друг дружку несчастной бабьей долей и пересказывали очередную серию фильма

² Болюс – кусок частично пережеванной пищи.

«Возвращение Будулая». Ирка с ужасом вспоминала рожающую цыганку с опущенными к носу бровями и теток, дерущихся мокрыми тряпками, – ведь этот фильм смотрела вся семья. Когда подошел их черед, к прилавку неожиданно и нагло прорвался мужик. Все зашипели, заохали, запричитали. Тот стал отбрыкиваться, мол, чего шумите, я инвалид. Очередь взорвалась праведным гневом: «Как не стыдно? Хорош инвалид, на двух ногах и при двух руках!» Мужчина покраснел, подковырнул ключом глаз, и тот со звоном покатился по прилавку.

Ирку воспитывали всей семьей. Баловали, угощали конфетами «Кара-Кум», гладили по голове, рисовали слонов, читали «Мойдодыра», учили писать прописью и ругали за наклон. Смешили, щипали, дергали за хвостики, любовно называя морковкой и лисой. Играли в «Привет, Валет!» или лото. Ира тащила мешочек с бочонками, раздавала всем карточки и звонко выкрикивала:

– 77 – топорики! 10 – бычий глаз! 2 – лебедь!

Обожала прятки. Однажды, когда все тайные места затерлись до дыр и были обнаружены, бабушка с бабушкой решили пойти ва-банк. Ирка дважды сосчитала до десяти и не могла понять, чего те так долго шушукуются и хохочут. Наконец-то получив разрешение, влетела в комнату и опешила – ничегошеньки не изменилось: бабушка вяжет в кресле варежки, бабушка лежит на диване, только почему-то в ушанке. Ирка набрала побольше воздуха и заорала:

– Так нечестно! Вы совсем не спрятались!

Ирина Говоруха

Бабушка подняла голову от спиц, и внучка чуть не подавилась со смеху. У «бабушки» оказались усы и дедова физиономия, а настоящая бабушка лежала на диване в его неизменных трениках, рубашке и шапке со звездой, из-под которой выбивались ее курчавые волосы.

Девочка росла бойкой и никому не давала себя в обиду. Дралась только левой рукой, так как правая существовала для поедания печенья, рисования принцесс и объятий. С приходом весны требовала укладывать ее спать на балконе. Подолгу рассматривала звезды и размышляла, на чем держится луна. Может, на гвоздях или канцелярской кнопке? Верила, что та теплая и съедобная, почти что морковный пирог, и следует за ней по пятам. Обожала майские ливни. Стоило громыхнуть грому, как Ирка бежала со всех ног с лейкой на балкон, чтобы усилить дождь. Называла тайными конфетками те, что тают во рту. Мечтала стать укротительницей тигров и чтобы у нее закончилась аллергия на красное.

Ненавидела быть одной. Вокруг просто обязаны были находиться люди, звучать песни и вестись разговоры. Пусть все толкутся, шаркают тапками, перемывают кому-то косточки, обсуждают почтальоншу и вредную тетку в паспортном столе. Ссорятся, обижаются, хлопают дверями, а потом снова собираются на кухне и лепят пельмени. Она ни минуты не соглашалась сидеть в комнате в одиночестве и неизменно шла на споры, запах пригорающей каши и рубку капусты в деревянном корыте. Туда, где пекли пироги с капустой и вкуснейшие картофельные шаньги. Бабушка, замешивая дрожжевое тесто из ржаной муки обязательно на бараньем или говяжьем жиру, выделяла кусок теста внучке, чтобы та

могла слепить свой персональный пирожок. Затем все тащили стулья, водружали запотевший заварник и усаживались обедать. Любое застолье начиналось и заканчивалось одним и тем же тостом «За мир» и Фимиными частушками: «С неба звездочка упала, прямо к милому в штаны. Пусть бы все там разорвало, лишь бы не было войны!»

За столом обсуждалось многое, и девочка боялась пошевелиться, чтобы не дай бог не прогнали. Хотелось слушать разговоры взрослых от начала и до самого конца. Даже то, о чем говорили только шепотом, прикрыв рот ладонью-ковшиком. Иногда речь заходила об их доме, построенном пленными, и она представляла фашистов в серо-зеленых шинелях, лающих по-собачьи – худых, бородатых, укутанных в женские платки или с перевязанными тряпками лбами. Каждый второй – в круглых макареновских очках. Каждый третий – с обмороженными щеками. Фрицы работали на совесть и понятия не имели, что существует слово «халтура». Выгнали в городе несколько десятков домов в баварском стиле, поэтому район со сказочными особняками местные прозвали маленькой Германией. Постройки выделялись эркерными окнами, балконами с коваными решетками и плотной кирпичной кладкой. Ирка во время прогулок частенько представляла себя хозяйкой угловой квартиры, словно героиня одной из сказок братьев Гримм.

Прабабка, бывало, подчеркивала, что среди немцев встречались абсолютно нормальные люди, и правнучка всегда с нетерпением ждала именно эту историю. Баба

Ирина Говоруха

Шура в такие минуты демонстративно вставала из-за стола и начинала греметь посудой. Дед Ефим смотрел в пол, а та неторопливо рассказывала, будто кому-то пыталась отдать долг.

Перед самой войной они переехали в новый красивый дом на окраине. Когда в город вошли немцы, сразу установили свои порядки. Семьи с детьми, подушками, кухонной утварью в спешном порядке переселяли в сараи и дровники. Новые хозяева с шиком размещались на освободившихся площадях. Некоторые даже со своими патефонами, чтобы слушать скрипучие военные марши. В их доме расположился немецкий генерал, высокий светловолосый мужчина в идеально начищенных сапогах. Зашел, огляделся и попросил выделить одну комнату, убрал все лишнее. Фима облегченно вздохнула, вытащила из люльки младшенького и перебралась в спальню. Немец открыл консервированный мед, густо намазал на хлеб и первым делом протянул десятилетнему Ефиму. Жил несколько месяцев. Угощал консервами и конфетами. Гладил по голове и улыбался, оголяя большие желтоватые зубы. Каждый вечер просил согреть воду для мытья, и они бесконечно этому удивлялись, ведь по местному укладу было заведено мыться раз в неделю. Хвастался снимком своей семьи – тремя мальчонками-погодками: Штефаном, Яном и Бруно. Подчеркивал, что воюет, чтобы детям не пришлось воевать. Тосковал по своим родным. Покупал у местных молоко. Покупал, а не отбирал. Что-то писал, царапая карандашом бумагу. Через год немцев прогнали и пришли наши. На постой стал советский генерал – хмурый, злой, с ледяным взглядом. Всю семью, не моргнув

глазом, выгнал в сарай, хотя еще стояли морозы. Не разрешал заходить в дом ни под каким предлогом: ни за ложкой, ни за чугуном, ни за сменной юбкой. Вот тебе и разница между оккупантами и освободителями. Хотя грабили и те и другие. Рессоры армейских грузовиков проседали под тяжестью трофеев. Порой на руке и нашего, и немецкого солдата болтались по пять-шесть наручных часов.

Семья хранила целый короб историй. Ирка слушала их с неподдельным любопытством, вытянув губы, будто собиралась спеть обязательную распевку на уроках музыки: «У-у-у-у-у-у, я лечу-лечу в Москву».

Вторая байка по праву считалась дедовой, и тот ее пересказывал обстоятельно, смакуя каждое слово. Баба Шура непременно встревала, дополняла, лезла с уточнениями:

– Не так было. Я уехала жить не к сестре, а к тетке.

Тот злился. Требовал тишины и послушания.

Короче говоря, Ефим с Шурой поженились в пятьдесят пятом. С первого дня супружества муж баловался беленькой для аппетита. Когда родилась дочь, стал пить. Шура терпела, сколько могла, а потом развернулась, забрала крохотную Галю – и поминай как звали. Уехала на постой к тетке. Ефим остался один, как сыч. И так не шибко богато жили, а когда жена его бросила, прихватив с собой комод, посуду и приличное по тем временам постельное белье, оказался в пустых стенах. Первое время не просыхал, спал на голом матрасе и жалел себя. Лежал, завернувшись в сорванную с петель штору, и валандал в голове объедки мыслей, будто перекатывал за щекой черешневую косточку. В один из

Ирина Говоруха

дней заприметил крысу. Огромную черную тварь с внимательными, почти что человеческими глазами. Она сидела на краю топчана и подметала матрас толстым шнурком хвоста. Он кивнул. Крыса кивнула в ответ. Начали разговор. Сперва о погоде, затем о революции и диссидентах. Она слушала и отвечала короткими нечленораздельными фразами. Дед решил проявить гостеприимство и бросил ей сухарик. Тварь понюхала, подцепила на зуб и убежала, щелкнув хвостом. Через пару минут появилась снова, удерживая в зубах красную бумажку – десять рублей. Положила в тапку, поклонилась на манер конферансье и юркнула в нору. Дед слегка протрезвел. Взял в руки хрустящую банкноту и прикинул, что это десятая часть его зарплаты. За такие деньги можно с легкостью купить два кило копченого палтуса или индийское махровое полотенце. На следующий день история повторилась. Крыса явилась около двух. Прижалась брюхом к полу и мелкими перебежками направилась к хозяину. Тот сидел в кресле и обдумывал, как жить дальше. Поздоровался, словно со старой знакомой. Достал из холодильника копченое мясо. Угостил. Она облизалась. Вернулась в нору и опять выползла с десяткой.

С того дня крыса появлялась исправно, иногда дважды в день. За каждую порцию еды щедро платила. Ефим дал ей имя и фамилию. Определил пол. Вышел из запоя и приступил к облагораживанию квартиры. Собрал в мешок бутылки, блюда-пепельницы, выгоревшие газеты. Отмыл тарелки с присохшей гречкой и мутные окна. Прикупил чайный сервиз на шесть персон, два кило черной икры, зимнее пальтишко для Галчонка и оправился с

букетом хризантем за женой и дочерью. На время своего отсутствия попросил кореша подкормить животинку. За это обещал сказочное денежное вознаграждение. Дружбан загорелся, с трудом дождался ее появления, предложил сахарок, а в знак благодарности получил трешку. В сердцах схватил молоток и убил пасюка.

Когда вернулся Ефим, оправдывался:

– Как это так? Что за несправедливость? Почему тебе десятки, а мне – тройки?

Спустя время, когда меняли полы, обнаружили крысинный тайник. В нем остались несколько пачек по три рубля.

С деньгами в семье было то густо, то пусто. Финансы появлялись из ниоткуда и также бесследно исчезали. Их складывали на черный день в укромном месте, так как государству не доверяли и сберкнижкой не пользовались. Тайником традиционно заведовала бабушка, чтобы у деда не было соблазна все прокутить.

Однажды, в первых числах сентября, Ефим привычно готовил обувь к зимнему сезону. Мыл, чистил, сушил, чтобы отнести в ремонтную мастерскую на углу Армянской и Чапаевской. В ней заправлял одноглазый Филипп, ритмично тюкал своим молотком, а потом лил под каблук желтый, практически карамельный клей. В тот день дед с раздражением заметил, что бабушкины зимние сапоги на манке³ совсем развалились и, недолго думая, бросил в сетку нечто абсолютно расхлябанное со стыдно вывернутыми голенищами. Вечером бабушка

³ Манка – толстая каучуковая микропористая подошва светлого цвета.

Ирина Говоруха

устроила кипиш. Как оказалось, она именно под стелькой соорудила свой тайник, и там уже скопилась приличная сумма. С трудом дождались утра и наперегонки побежали к обувщику. Сапоги уже красовались на полке, поблескивая от ваксы, только денег внутри не оказалось. Спросить напрямую постеснялись, ведь пойдет слух, что в доме есть, чем поживиться. Поэтому смолчали, притерпелись, смирились, но с тех пор дедушка обходил жидяру Филиппа за три версты.

Дед Ефим с трудом управлял своим женским царством и призывал всех быть солидарными. Ирка долго не понимала смысла этого слова, буквально считая, что быть солидарными значит дарить друг другу соль. Временами дед жаловался, что такое количество женщин, тудуть-растудуть, сведет его в могилу, и все пенял на среднего сына Петьку, оказавшегося сволочью. Тот давно обзавелся семьей и приезжал не чаще раза в год. О нем вообще вспоминали редко, мимоходом и всегда с непонятной болью. Поэтому ответственность за дом и семью лежала на огромном, неловком, шумном, взрывном, резком деде Ефиме. Смягчался он лишь при виде внучки. Занимался ею, не жалея ни времени, ни сил. Учил ходить, подманивая наручными часами, полученными за какие-то заслуги на производстве, и бесконечно гордился этим презентом. Утверждал, что такая награда лишь у него и у космонавта Гагарина. Ставил внучке пластинки с былинами об Илье Муромце и музыкальную сказку «Незнайка в Солнечном городе». Разрешал прыгать на панцирной кровати и показывал, как набивать махоркой мундштук. Из его комнаты был

выход на балкон, и Ирка считала его отдельным государством, где в случае чего можно было найти убежище. Там всю осень солились грузди с опятами, и запахи хвои, соли, мха сводили с ума. Грибы получались знатными и хрустели плотными ножками. Ели их зимой с отварной картошечкой, плавающей в подсолнечном масле, или с кашами, томившимися в старом драповом пальто бабы Фимы. Дед доставал из холодильника беленькую и разливал по рюмкам, мгновенно потеющим от перепада температур. Отрезал ломти хлеба, прижав его к груди, и клал в центр стола. Ужинали под водочку довольно часто, и это считалось посидеть культурно, по семейному. После третьей рюмки глава семьи упирался кулачищами в колени и привычно себя корил, что упустил Петьку. Ирка все боялась спросить, отчего молчаливого, никогда не снимающего кепку дядю Петю тот упорно называет сволочью?

Деда Ирка считала своим самым верным кавалером. Тот не спускал с нее глаз ни днем ни ночью. Водил в зоопарк и показывал крохотных обезьян-тамаринов. Катал на «пружинке», возил в малинник, чтобы ребенок напился витаминами. Когда внучка носилась по двору, размахивая руками, словно лопастями, наблюдал за ней из приоткрытого окна, не выпуская изо рта мундштук.

Как-то раз они отправились на рынок за арбузами. Купили целых два, растянув авоську, словно сброшенную змеиную кожу. Август медленно уплывал, но в воздухе еще держалась свойственная ему белизна и пряность. Всюду цвели георгины, астры, розовые тугие калачики, напоминающие любимые школьные сосиски. Ирка шлепала старыми босоножками, от которых на

Ирина Говоруха

дней отрезали задники, и предвкушала, как дед любовно обмоет арбуз в ванной, а потом срежет разделочным ножом макушку. Раздастся хруст. Неспешно достанет шляпку, понюхает, вырежет мякоть, чтобы отдать внучке. Затем разберет на дольки, и вся семья сядет за стол. Прабабка достанет черный хлеб. Галя – мягкий сыр. Ирка будет есть просто так, едва успевая вытирать сок с подбородка. Затем налетят жадные до этого дела пчелы, и в ход пойдут журналы, руки, полотенца.

В этот раз случился конфуз. Они с дедом мирно топали домой, как вдруг у винно-водочного заурядный дядька, выпивающий из бумажного стаканчика, указал на Ирку пальцем:

– Вы только посмотрите на эту «пожарную машину». Это же надо было уродиться такой страшной! Я бы свою не думая утопил, как паршивого кота.

Дед побелел лицом и процедил:

– Итить твою дивизию!

Попросил внучку оставаться на месте, а сам без лишних слов направился в сторону обидчика. На ходу замахнулся, секунда – и арбузы оказались расколотыми о голову выпивохи. Мужик крикнул от боли и сложился пополам. Собутыльники предусмотрительно разбежались по кустам, а дед как ни в чем не бывало вернулся и обнял внучку за плечи:

– Никого не слушай. Ты самая красивая на земле.

Бабушка Шура много лет удерживала звание передовика производства. Ее портрет был занесен на Доску почета обувной фабрики, и, всякий раз отправляясь на прогулку, Ирка замедляла ход и озиралась, сворачивая

себе шею. Интересно, люди замечают, что она идет со знаменитостью? Баба Шура только ухмылялась. Маленькая, загнанная, с потухшими глазами. Она много лет обшивала всю семью и могла повторить любое платье, мельком увиденное в журнале. Вот только не ждала от жизни ничего хорошего, бесконечно тревожилась, недолюбливала свою свекровь и не придавала никакого значения чистоте. Если готовила, то кухня после стряпни напоминала поле боя, словно по ней прошелся Мамай и вся его Золотая Орда. Приступая к приготовлению борща, оставляла помидорный соус на стенах, подоконнике, плите, и Ирке вечно казалось, что это не томат, а чья-то сваренная кровь. Если колдовала над тестом для пирожков, засохшую жижу можно было обнаружить в самых неожиданных местах – в туалете на сливном бачке, в прихожей на вытянутом буквой «О» зеркале и даже на коврик у входной двери. Шура не признавала никаких занавесок, считая это лишней стиркой, и имела привычку бросать мыло в мыльницу, полную воды. В итоге к утру абсолютно новый, пахнущий земляникой брусок превращался в слюнявую медузу. Под ванной у бабушки всегда вымачивались какие-то тряпки, и душок, поднимающийся от тазов, мог свалить без чувств даже слона. Кроме того, все приготовленное получалось каким-то несвежим, будто котлеты жарились не вчера, а, как минимум, неделю назад. Для объема добавляла в мясо все, что попадалось под руку: тертую морковь, свеклу, тыкву или кабачок и много слизистого хлеба, размоченного в подкисшем молоке. Затем била фарш о стол, словно играла тяжелым баскетбольным мячом в «Я считаю до пяти», и объясняла, что таким образом

Ирина Говоруха

продукт насыщается кислородом. После подобных манипуляций на столешнице оставались жирные круги, которые баба Шура не считала нужным вытирать. Пожаренные котлеты складывала в дырявую в двух местах кастрюлю, забывала на плите, примыкающей к батарее, и уже к вечеру те испускали тошнотворный душок.

Единственной ее слабостью считались цветы, за которыми ухаживала, как за грудными детьми. Заставляла горшками подоконники, балкон, книжные полки, и в них прорастали, крепили и набирались сил всевозможные очитки, комнатные клены и суккуленты. При случае рассказывала, как познакомилась с самой Ниной Мирошниченко – известным селекционером. Та вывела больше трехсот гибридов ирисов, лилий, около тысячи гладиолусов и получила пять медалей. Воспитывала двух сыновей – Виктора и Джорджа, названного в честь самого лорда Байрона. Как-то раз баба Шура отправилась на цветочный базар и сходу заприметила, что самая большая толпа околачивается возле женщины с прической «Ракушка». Шура потеряла дар речи, на автомате полезла в карман, чтобы пересчитать деньги и расстроилась, так как купюр оказалось в обрез на аютины глазки, а перед ней лихо торговала сама богиня цветоводства. Предлагала роскошные ирисы «Амур-батьюшка», нежнейшие астры «Аннушка» и статные гладиолусы «Банкир». Ей же ничего не оставалось, как с завистью разглядывать мужчину, приобретающего отборные клубни сорта «Бронзовый век» и тетку с зычным голосом, скупающую луковицы «Белого кружева». Она оглянулась по сторонам в поиске знакомых, чтобы одолжить денег, и снова пересчитала свои жалкие

гроши. По второму кругу вывернула карманы с разорванной подкладкой. Нервно рылась в сумке, выуживая то газеты, то сердечные капли, то квитанции. Поэтому даже не заметила, что «королева цветов» краем глаза за ней наблюдает.

– Женщина, дайте сюда свою сумку.

Баба Шура испугалась. Покраснела. Решила, что ее прилюдно уличают в воровстве и начала оправдываться:

– Я ничего у вас не брала. Сроду ничего не крала!

Та коротко улыбнулась, опустила на кончик носа очки и снова потребовала сумку. Бабушка Шура дрожащими руками подала свой выдавший виды «ридикюль» и приготовилась к унижительной проверке. Мирошниченко кивнула и горстями стала сыпать в сумку луковицы.

– Что вы делаете? У меня нет денег. Я не смогу заплатить.

У той задрожал подбородок.

– Господь с вами! Это подарок. Пусть цветут!

И обе расплакались.

Все изменилось со смертью прабабки. Та ушла неожиданно, не посчитав нужным никого из домочадцев предупредить. Еще утром они играли в театр, и бабулька, пряча в ящик наперсток и мышастую игольницу, благодушно кивала: «Ну все, неси свою контуженную». Ирка на всех скоростях неслась в комнату и тащила тряпичную куклу. Затем набирали горячую ванну, ужинали жареной картошкой с зеленушками и обсуждали фильм «Рожденная революцией». Дед привычно критиковал неправдоподобно идеального Кондратьева, а баба Шура

Ирина Говоруха

замахивалась на него полотенцем, мол, если сам слабак, то хоть не завидуй. Румяная и аккуратно причесанная прабабка к ужину не явилась, похрапывая в кровати, а утром не проснулась. Правнучка сперва ее тормозила, приглашая на воскресные блины, и с любопытством заглядывала в широко открытый рот. Затем из-под одеяла выпала холодная рука и стукнулась об пол, чисто деревяшка. Ирка сделала шаг назад и по-взрослому запричитала.

Похороны девочка помнила смутно. В углу комнаты сидела усатая тетка и безостановочно читала неопрятную книгу на иностранном языке. Периодически крестила свой зевающий рот и расчесывала до крови искусанную комарами ногу. На всех зеркалах висели тряпки и молчали часы. Батарейки вынули на целых сорок дней. Прабабка, уменьшившаяся в размерах, жалась к одной и той же стенке гроба. Дед постоянно ее поправлял, но она сползала, и девочке казалось, что та все-таки еще жива. В руках покойница сжимала носовой платок, чтобы было чем утереться в момент Страшного суда. Сбоку аккуратно выложили все ее гребни – и деревянный, и костяной без нескольких зубов, и самый красивый, с гроздьями рябины. Зубные протезы, субботнюю рюмочку и Псалтырь.

Возле покойницы устроили круглосуточное дежурство, и только дед сидел, не вставая. «Не евши, не пивши...». Как-никак он хоронил мать. В стакане с пшеницей коптила свеча. Соседи захаживали и кивали, будто позабыли все слова. Обходили новопреставленную с головы и при этом смешно кланялись, подгибая колени. Со стороны это напоминало движение игрушечной

деревянной собачки на платформе. Потом, когда выносили гроб, хором завопили, чтобы не дай бог не зацепили дверной косяк, иначе быть новой беде. Только косяк все равно зацепили, и Галя, махнув рукой, принялась за мытье полов, перевернув стулья ножками вверх. Затем сели обедать и первым делом предложили рюмку водки, прикрытую толстым шматом хлеба, портрету бабы Фимы.

После смерти прабабки Лену отвезли в специальный интернат. Посидели, подумали и единогласно решили, что девочке среди таких же, как она, будет лучше. Фима отдала богу душу, и теперь некому присматривать за инвалидом. Дед Ефим солировал и приводил все новые аргументы:

– Сами посудите, ну что она здесь видит? Окно, табурет, стенку, люстру, полное собрание сочинений Жюль Верна. Целый день одна, а там за ней будет соответствующий уход. Правильное питание. Там медики, а мы кто? Чем мы сможем помочь, вдруг что случится? Кроме того, все до пяти на работах, и Лена в огромной квартире остается абсолютно одна.

Тетку увезли через несколько дней. Та мычала, словно попавший в капкан зверь, и пыталась ухватиться «куриными лапками» за пресловутый дверной косяк. За дедов безразмерный дождевик. За воздух. С открытого рта скапывала слюна и загустевала вареным куриным белком. Глаза лезли из орбит, пытаясь нащупать хоть какую-то точку опоры, но постоянно соскальзывали и упирались в стену. Ирка наматывала вокруг нее круги, предлагая свои лучшие игрушки. Баба Шура

Ирина Говоруха

безостановочно плакала. Дед успокаивал, что она исполнила свой материнский долг и теперь пришло время позаботиться государству. Галя громыхала на кухне посудой и тайком попивала ягодную наливку, чтобы хоть как-то утихомирить расшатанные нервы.

Целую неделю после Леночкиного отъезда в квартире говорили шепотом и не включали телевизор. Пропустили «Встречу с песней» и финальную серию эпопеи «Рожденная революцией». Дом осиротел сразу на двух членов семьи и, казалось, в нем не хватает комнат, окон, дверей. Невесть откуда появились сквозняки, и скорбь оседала настолько плотным слоем, что впору было собирать ее в мешки, чисто антрацит. Ирочка постоянно рвалась помочь с кормежкой тетки, а потом опомнившись возвращалась к себе в комнату, низко опустив голову. Баба Шура сморкалась в огромный, как наволочка, платок и подолгу смотрела в одну точку. Мама Галя сторбившись ритмично шевелила двумя длинными спицами. Вязала сестре шарф. Дед со словами «едрены пассатижи» надсадно кашлял и прикладывался к фляге. Щупал свою грудь и пытался спрятать глаза, полные слез.

В субботу стало веселее. Все собрались на кухне, чтобы приготовить любимые Леночкины блюда. Жарили, шкварили, запекали, собираясь в воскресенье нанести ей визит. Представляли, как ввалятся всей толпой в палату с шутками, частушками, прибаутками и накормят до отвала. Возьмут баян и бубен. Споют любимые «яблони и груши». Вывезут в парк к заросшему тиной пруду. Ирочка примеряла новогодний костюм. Хотела порадовать тетю образом Снежной королевы. Дед причмокивая дегустировал грузди. Отбирал лучшие.

В воскресенье домочадцев разбудила настойчивая телефонная трель. Звонили из приюта. Чужой прохладный голос для порядка пару раз запнулся, а потом дежурно сообщил, что Леночка на рассвете умерла.

Поминали покойницу во вторник. За столом с кутьей и гречневой кашей собрались те же люди, что и две недели назад. Дед поднял рюмку, половину расплескав. Неожиданно вместо правильных слов начал рассказывать историю про корову. На него зашикали: «Что ты несешь? Где корова, а где человек? Совсем из ума выжил?» Ефим со злостью швырнул салфетку и за столом стало еще мрачнее. Все уставились в полупустые тарелки. Солнце, до этого висевшее где-то в левом верхнем углу окна, оторвалось и разбилось вдребезги. Ирка расплакалась, прижалась к маме, но та ее впервые не обняла. Молча наполнила свою рюмку и выпила, как воду.

– Я пацаном был лет пяти. Имел одни штаны и одни на двоих с сестрой кирзаки. По праздникам ели жаренные яйца. В будни перебивались куском хлеба. Мяса годами не видели. Вся надежда оставалась на корову, именуемую не иначе, как кормилицей.

Однажды отец вернулся хорошо выпивший и объявил, что отдал корову за долги. Мы в слезы. Мать опустилась на колени и стала целовать не то носки его сапог, не то половик. Тот старательно отводил глаза. Похлопывал ее по сгорбленной спине, мол, будет тебе убиваться, дело сделано. В калитку настойчиво стучали, и этот грохот до сих пор вот у меня где, – дед растопырил ладонь и с размаху ударил себя в висок.

Ирина Говоруха

Ирка испуганно вскрикнула, и тот мгновенно пришел в себя. Смягчился. Погладил внучку по голове.

– Мы высыпали во двор – босые, оборванные, испуганные и увидели, что мужики вовсю хозяйничают в сарае, пытаясь вывести упирающуюся скотину. Та мычала, глядя на нас в упор. Умоляла о защите. Пришлось повиснуть у обидчиков на ногах, но те отбросили нас, словно щенят. Затем бежали за ними в конец улицы и умоляли отдать Буренку. Отгоняли от ее худых боков мух. «Воры» только посмеивались. Поднимали сапожницами смурую пыль и потирали руки, мол, как удачно все провернули. А через три дня корова сдохла.

Соседка мелко закивала и отложила ложку:

– Верно говоришь. Тяжелые были времена. Особенно тридцать седьмой год. Со всех округ собирали «врагов народа». Грузили в теплушки и вывозили. Никто не знал, куда и за что. Боялись спросить, чтобы не отправиться следом. У наших соседей вообще произошла катастрофа. Дело было в августе, и все мужики косили в поле. В один из дней из района приехал уполномоченный проверить, как выполняется план, а наш сосед, известный шутник и балагур, ответил за всех: «Все хорошо, но было бы лучше, если бы коса косила в обе стороны. А так теряем время, орудуя лишь одной острой стороной». Все рассмеялись, и уполномоченный ухмыльнулся тоже. Тем же вечером за шутником приехала «Черная Маруся»⁴ и увезла без каких-либо объяснений.

⁴ Черная Маруся – жарг., автомобиль для перевозки арестованных.

Прошло несколько дней. В поле работали молча, не поднимая голов. Говорить боялись. А вдруг и у сена есть уши? Неожиданно в деревне появился тот же воронок с решетками на окнах и лихо тормознул у всем известного двора, подняв занавес пыли. Люди при исполнении с постными лицами зашли в дом и спросили у испуганной женщины:

- Хочешь увидеть хозяина?
- Хочу.
- Тогда собирайся.

Она взяла хлеб, кусок сала, луковицу. Поцеловала двухлетнюю дочку и прыгнула на заднее сиденье. Больше о ней никто не слышал, и только через время пришел документ, что их расстреляли за антисоветскую агитацию.

Вторая соседка промокнула глаза и уже сложила губы, чтобы вспомнить свое, но ее опередила Галя:

– Вы не забыли, где находитесь и зачем? У меня сестра умерла. Сестра! Ну и что, что она не умела ходить и говорить! Не училась в школе и ни разу не отправилась на свидание. Только она была настоящим человеком, и теперь ее нет.

Обновила рюмку, широко открыла рот и вылила содержимое прямо в горло. Демонстративно перевернула посуду вверх дном.

С тех пор все пошло по-другому. Дни стали толкать друг друга в спину, ссорясь и паясничая. Утро резко перетекало в полдень, а потом заходило влажными сумерками. Зима облачалась в весну, весна – в лето. По телевизору рассказывали о четвертой сессии

Ирина Говоруха

одиннадцатого созыва, о невзорвавшейся эстонской бомбе и о том, что Москву засыпало снегом. Дед Ефим и баба Шура все также трудились на обувной фабрике, носили за пазухой обрезки, отстаивали очереди за дефицитным майонезом, а потом возвращались, ужинали, засиживаясь на кухне допоздна. Обсуждали исчезновение с магазинных полок сахара и новую программу «600 секунд». Телемост Москва-Вашингтон и хирургическую операцию в прямом эфире без привычной анестезии, так как обезболивал пациента путем внушения Анатолий Кашпировский. Дед восхищенно присвистывал. Баба Шура шикала – не свисти в доме, денег не будет. Затем вяло комментировали официальный визит Маргарет Тэтчер и очень бурно Афганскую войну, которую дед считал возмутительной. Доказывал, что наш народ затыкан, пожизненно бесправен и труслив, и приводил в пример одну и ту же историю, невесть откуда взятую. После смерти Сталина Хрущев на очередном съезде КПСС во всеуслышание разоблачил сталинские преступления. Неожиданно послышался голос из зала:

– А почему вы тогда промолчали, а сейчас такой смелый?

Хрущев наклонился ближе к микрофону:

– Кто это сказал? Поднимитесь.

В зале наступила настороженная тишина, оголяющая грохот нескольких сотен сердец.

– Ну, что же вы? Смелее! Неужели боитесь? Вот и я боялся.

Мама Галя больше ни в чем участия не принимала. Не пела «Ой, то не вечер» и частушки: «У меня на сарафане петухи да петухи. Меня в этом сарафане любят

только мужики». Стала замкнутой. Нелюдистой. Рассеянной, будто в одночасье забыла, что где лежит и что для чего служит. Могла выбросить толкушку для пюре в мусорное ведро и не помнить, как это случилось. В ней будто что-то надломилось, и женщина напоминала куклу неправильной фабричной сборки. И вроде бы приходила с работы, привычно затевала расстегаи, расчесывала на ночь Иркины волосы, вязала ей пуловеры с зайцами и шапки с помпонами, но оставалась при этом отстраненной, включенной не на полную мощность. Все чаще являлась домой навеселе, и от нее перестало пахнуть мамой – сладостями и духами Pani Walewska. Все больше чем-то горьким, чужим, мужским. Она перестала прятаться с сигаретами, демонстративно дымя в форточку. Дед Ефим заводился, орошал каплями горячей слюны, а она лишь снисходительно улыбалась, накаляя этим обстановку еще больше. По утрам сползала с постели не в духе и жаловалась на головную боль. Рыскала по шкафам в поисках хоть какого-то спиртного. Сходила с ума. Не считала зазорным рыться в чужих кошельках и карманах. Как-то раз попыталась вынести единственный уют, и Ирка вступилась за него горой. Галя, недолго думая, стукнула им дочку по голове, и та зарыдала. Не от боли, нет. Просто, чем теперь гладить воротнички и школьную форму? К ней и так уже прилепилось прозвище Синеглазка.

Со временем Ира выучила все злчные места, в которых могла находиться мама. Носилась по всему городу и забирала ее домой. Вела за руку, а та упиралась, называя дочь бесстыжей. У всех дети как дети, а у нее –

Ирина Говоруха

ни охнуть ни вздохнуть. Шагу нельзя ступить. Ира уговаривала. Увещевала. Умоляла. Придумывала новые поводы и предлоги для возвращения. Нужно помочь с домашним заданием по природоведению. Испечь печенье к сладкому столу. Проверить таблицу умножения на «6».

Чаще всего Галя засиживалась у Миши-дипломата, бывшего работника НИИ, отца пятерых детей. Когда-то у него было все: жена, дети, новогодние утренники и воскресные выезды на природу. А потом сволочь-супруга собрала вещи, детей и уехала к маме. Спускаясь по лестнице и таща волоком ребянтю с баулами, всхлипывала: «И как таких уродов земля держит? Его надо закрыть, изолировать от людей. Госпитализировать. Принудительно лечить». Больше о ней никто ничего не слышал, да и Миша никогда не вспоминал. Жил себе припеваючи в огромной квартире, бегал в кепке с плоским чемоданчиком на службу, платил скудные алименты и околачивался в людных местах. То его видели у детского сада, то у школы-интерната № 4.

Как-то раз бдительные мамы заметили испуганную девочку-подростка, шагающую в школу с неприметным мужчиной. По лицу ребенка было понятно, что происходит что-то страшное, поэтому окликнули:

– Девочка, с тобой все в порядке?

Мужичок мигом шуганул в кусты, а ребенок расплакался:

– Нет! От самого дома за мной увязался странный дядя и не отставал ни на шаг.

Лица неизвестного никто не запомнил. Единственными приметамы оказались кепка и дипломат.

Галя после работы направлялась напрямиком к нему. Чуть позже подтягивался буйный Витек. Тот из любой ерунды мог слепить форменный скандал и при этом чувствовал себя эдаким победителем. Вечно размахивал руками, драл горло, подходил вплотную и ощутимо толкал плечом. Ирка до смерти его боялась. Миша, напротив, вел себя смирно, как овечка, только постоянно пытался усадить к себе на колени и потрогать колготную ластовицу. Девочка вырывалась, а Галя прикрикивала:

– Кыш отсюда, не мешай! Мама закончит свои дела и придет.

Только Ирка не хотела возвращаться без нее, поэтому пряталась в дальний угол и выполняла домашние задания. Разбиралась с безударными гласными, искала подлежащее и сказуемое и учила наизусть Некрасова: «Снежок порхает, кружится». Терпеливо ждала. Миша тоже сидел в сторонке и не мигая разглядывал ее своими грустными собачьими глазами. Угощал конфетами «Гулливёр». Она не брала, хотя очень хотелось. Мечтала, чтобы мама надела плащ и отправилась с ней домой. Там они сядут за насухо вытертый стол, нарежут хлеба, соленого сала в рассоле, разогреют перловый суп и поговорят, как раньше. Ирка расскажет, какой позор сегодня пережила. Как в класс посреди второго урока ворвалась медсестра, заняла позицию у окна и у всех по очереди проверяла наличие вшей. Заставляла расплетаться, развязывать банты, а потом хаотично что-то вытаскивала, придавливая ногтем. Ребята напряженно прислушались, раздастся ли хруст. Сегодня ее единственную отправили с уроков домой и велели не возвращаться,

Ирина Говоруха

пока родители не выведут гниды. А кто ей будет их выводить? Бабушка плохо видит, а мама постоянно занята Мишкой и Витьком. Вот и сейчас суетится, хохочет. Чистит селедку. Облизывает пальцы. Накрывает на стол.

Поначалу взрослые вели себя тихо. Ели, пили, весело обновляя рюмки. После первой бутылки Витька набирал полную глотку воздуха и жаловался на государство, которое его поимело:

– А что они думали? Что буду на заводе всю жизнь вкалывать? Не тут-то было. Я пацана родил? Родил. Двадцать лет пахал? Пахал! Имею право теперь пожить в свое удовольствие.

Галя его поддерживала, темнея лицом. Миша принимал позу мыслителя и с замахом закидывал ногу на ногу. Распространялся о каких-то горбачевских реформах, в частности о гласности и перестройке. Дальше Ирка не слушала, начиная дремать на фамилиях Рыжкова и Шеварднадзе. Просыпалась всегда в один и тот же момент, когда у взрослых начиналась «любовь». Мама, раздетая до комбинации, привычно лежала на спине, а на ней копошился дядя Миша. У него что-то не получалось, и он чертыхался, норовя укусить за сосок. Галя пыталась увернуться, только двигалась почему-то слишком медленно. Затем герой-любовник «нащупывал» глазами испуганную девочку, и дело начинало ладиться. Он с гордостью демонстрировал свое вздыбленное причинное место, полируя его рукой, а потом нырял между ног и копошился там долго, не сводя глаз с полумертвой от ужаса Ирки. Витек, как правило, спал богатырским сном, пуская пузыри и слюни.

Когда все заканчивалось, полуодетые взрослые возвращались к столу. Снова пили и ссорились, кому бежать за добавкой в магазин «Низкое крылечко». Иногда девочке перепали обеды: селедочный хвост, горбушка с жареным яйцом, квашеный огурец. Она ела, сидя на стареньком пальто. Продолжала учить таблицу умножения и рисовать осенний лес. Слагать и вычитать отрезки. Читать басню «Лев и мышь». Терпеливо ждать, когда мама освободится, чтобы отвести ее домой.

Так и жили. Дед злился, ссорился с Галей и даже поднимал на нее руку. Бабушка встревала, взывая к здравому смыслу. Ирка не сдавалась и по-своему пыталась маму спасти. Предлагала сходить в кукольный театр или в цирк. Делала для нее различные безделушки: бусы из макарон и браслет из «пуговиц счастья». Радовалась, когда у мамы получалось продержаться три дня без спиртного. Тогда в доме наводился идеальный порядок и не приходилось есть толстые, словно колпачки фломастеров, жареные макароны.

В дни затишья Галя готовила вкуснейшую картошку, нарезаая ее всегда одинаковыми ломтиками, отмывала от копоти плиту, окна, стирала занавески. Пекла корзинки, хрустики, печенье-монетки. Потом опять срывалась, и ад повторялся. Женщина продолжала хозяйничать, но у нее все валилось из рук. Могла сварить суп вместе с грязными дедовыми носками и сделать дикую генеральную уборку, засунув книги в холодильник, а скудные продукты в виде супового набора и палки ливерной колбасы – под батарею. Распахать по

Ирина Говоруха

карманам пальто выметенный мусор или оставить его посреди кухни аккуратной горкой. Бывало, обвязывала голову полотенцем, раздевалась до белья, хватала швабру и начинала собирать по карнизам пыль. Мыла на балконе окна, талантливо растягивая грязь. Ирка держала ее ноги и умоляла спуститься. Как-никак пятый этаж. Та смеялась: «Не бойсь, рыжик, у тебя мамка еще та гимнастка».

Незаметно закончился учебный год. Ирка ликовала и с гордостью демонстрировала табель хорошистки. Радовалась трехмесячной передышке от обидных прозвищ. Дети безжалостно насмехались над ее скромной одеждой, рыжими волосами и мамкой-пьянчужкой. Потешались, что ко Дню именинника она приносит магазинную выпечку, а не домашнюю. Одноклассницы наперебой хвастались орешками со сгущенкой, безе, слоеными трубочками, а она стеснительно ставила на стол тарелку с копеечными магазинными коржиками. К ним никто не притрагивался. Все с жадностью набрасывались на эклеры, и только Ирка обреченно хрустела своими «галетами» и старательно делала вид, что ей все нипочем. Лишь брови, сведенные на переносице, выдавали сильнейшее напряжение и досаду.

Лето явилось без солнца. Прохладное, дождливое, зеленое. В садах ничего не спело: ни вишни, ни абрикосы, ни яблоки. Неделями не просыхали лужи, и долго сушилось белье, приобретая запах плесени. Небо нависало тяжелое, громоздкое, полное чернильных туч. Дед еще с весны маялся желудком, сильно похудел, но предвкушая начало грибного сезона, хорохорился. Сплел

две глухие корзины и смастерил сачок для ловли бабочек. Съездил к сыну и остеклил тому балкон. Поставил памятник на могиле Леночки вместо деревянного креста. Беспольный теперь крест собственноручно сжег в ближайшем овраге. Поменялся в лице, и оно стало каким-то неестественно симметричным.

Бабушка вышла на пенсию и хворала днями напролет. Жаловалась на сердце и ноги. Уверовала, что на них проклятие, и девочка пыталась его снять, рисуя магические соляные круги, зажигая свечи, читая молитвы. Баба Шура в такие минуты доставала семейную фотографию, на которой все еще были живы и здоровы, и подолгу с грустью ее рассматривала, подперев щеку.

В тот день по телевизору транслировали конкурс «Московская красавица». Ирка не моргая пялилась в экран. По сцене Дворца спорта прохаживались плоские девушки в блестящих купальниках, люрекссовых платьях, чалмах, брючных костюмах. Они одинаково улыбались и однотипно отвечали на вопросы Михаила Задорнова. Неожиданно раздался стук в дверь. Нервный. Недобрый. Девочка подставила табурет, взглянула в глазок и открыла. На пороге маячила соседка, жившая этажом ниже. Тетка брезгливо взглянула на ребенка, словно на таракана, и рявкнула:

- Есть дома кто-нибудь из взрослых?
- Нет. Бабушка с дедушкой ушли на рынок.
- Ну тогда иди сама, забирай мать, а то ее сейчас весь двор переимеет.

Ирка позорно икнула и завозилась с обувью.

- Где она?

Ирина Говоруха

– За гаражами. Прохлаждается в позе звезды. И не забудь захватить ей одежду, а то придется вести в чем мать родила.

Ирка метнулась к шкафу и перепутала полки. Вывалила на пол теплые свитера и тут же стала запихивать обратно. Затем выудила комбинацию и зачем-то полотенце. Прыгнула в первые попавшиеся тапки и захлопнула дверь.